Инсер. л. 1928

Сказания о Паттини-Деви.

Л. А. Мерварт.

Представлено Академиком Секретарем в Отделение Исторических Наук и Филологии 25 мая 1927 года).

Сингальцы Цейлона в главной своей массе исповедуют буддизм в той форме, которая называется Хинаяна. Эта форма есть собственно философское построение, есть система мировоззрения, строящаяся на неизбежном, неотвратимом законе кармы, т.-е. возмездия за каждое доброе и дурное деяние равноценного самому деянию. Эта система возлагает все возможности человеческого спасения и всю ответственность за него на самого человека, и, так как все счастливые и несчастливые обстоятельства жизни являются лишь результатом его собственных действий в этой или предыдущей жизни, то совершенно очевидна возможность для буддиста мыслить себе мироздание и строить свое мировоззрение, не включая в него божества, во всяком случае, божества личного, вмешивающегося и направляющего человеческую жизнь. Действительно, система Хинаяна оставляет совершенно в стороне вопрос о существовании бога, не интересуется им и не устанавливает его наличия. Правда, Хинаяна и не запрещает веру в бога, она только отклоняет этот вопрос как не существенный. Однако, такая высокая степень самодовления возможна только немногим сильным духом, громадное же большинство человечества, в особенности того примитивного человечества, которое жило на Цейлоне при появлении там буддизма, не могло сделать такого скачка от анимистического мировоззрения в Хинаяну. Это значило бы перейти из состояния защищаемости или борьбы с могущественными духами, окружающими человека, наполняющими мир, с которыми он может вступать в сношения, может умилостивлять или укрощать, в состояние полного одиночества перед лицом своих собственных дел. Хинаяна есть мировоззрение, в котором срок отдельной жизни есть ничто, при котором всякое несчастье и всякое горе есть заслуженное воздаяние, мировоззрение, исключающее возможность обращения к какому-нибудь высшему существу

и даже возможность жалобы на свое горе. Поэтому рядом с буддизмом — религией ученых — в народе удержались верования в близких и доступных старых богов, богов-помощников, богов-защитников, богов, карающих за грех и награждающих за добродетель, одним словом, богов — существ, обладающих сверхъестественной силой, но близких к человеку по своим интересам и принимающих участие в его ежедневной жизни. Этим богам буддист-сингалец продолжал молиться, приносить жертвы и ждать от них помощи в несчастьи, т.-е. просить у них нарушения закона справедливости — закона кармы, основы всего буддизма.

Кроме буддизма, из Индии на Цейлон вливалась другая религиозная струя, струя индуизма. Ее несли с собой постоянно приходившие с материка тамильские завоеватели, зачастую надолго занимавшие трон сингальского царства и прочно обосновавшиеся на всей северной части острова. Смешанные браки также помогали разносить индуистические верования. Политеистический пантеон индуистов легко включал в себя любых местных богов, и потому примирить и объединить его со своим анимистическим культом сингальцу было очень легко. В то же время индуизм был религией завоевателей-тамилов, приносивших с собой гораздо более высокую культуру, и потому распространялся вместе с этой культурой. Таким образом создавалась для сингальцев-буддистов трудность двоякого и даже троякого мировоззрения: анимистического, индуистического и буддийского. Первые два объединить было легче; во всяком случае они объединились уже в прошлом, и в настоящее время мы можем изучать только этапы этого объединения в исторической перспективе. Образцом такого объединения может служить история богини Паттини.

Объединение индуистически-анимистического мировоззрения с буддийским протекает на наших глазах, мы можем наблюдать его в состоянии созидания, и при том на примере той же богини Паттини.

Паттини, обычно считается индуистической богиней Паттини-Деви, культ которой привезен на Цейлон королем Гаджабаху I.[1] Upham[2]

---

[1] Среди королей Цейлона, имя Гаджабаху встречается дважды: Гаджабаху I царствовал во II в. н. э., согласно таблице, приводимой Duff, (Chronology of India) с 113 по 135 г.; царствование Гаджабаху II, по тем же данным, относится к XII в., к 1142—1164 гг. Король Гаджабаху I, совершивший победоносный поход в Индию, является, вообще одним из любимых героев сингальской легенды и, судя по сведениям, сообщаемым Parker'ом (Ancient Ceylon London, 1909, p. 143), был даже обожествлен: «Король Гаджабаху I считается воплощением Черного-Князя-Дьявола или Вождя-Дьявола, из-за жестокостей, которые он, как говорит традиция, совершил во время нападения на южную Индию, в отместку за все совершенное войсками Чола (тамильского короля из династии этого имени), напавшего на Цейлон в царствование отца Гаджабаху». Черный-Князь-Дьявол — один из главных дьяволов, т.-е. примитивных божеств сингальцев, низведенных в ранг дьяволов, при проникновении индуизма и буддизма».

[2] Upham. The History and Doctrine of Budhism, p. 50.

относит ее к четырем Горным Духам, а Parker[1] говорит о ней: «Паттини никогда не считается богиней гор, но ей поклоняются лишь в ее аспектах богини целомудрия и властительницы эпидемий».[2]

Сингальская хроника Раджавалия,[3] содержащая историю событий, происшедших на острове Цейлоне, начиная с создания мира и кончая царствованием короля Раджасинха, т.-е. второй половиной XVII в., сообщает о том, как король Гаджабаху узнал, что в царствование его отца король Мадуры сделал набег на Цейлон и увел в плен 12.000 кендийцев. Разгневанный он пошел войной на мадурского короля, принадлежавшего к династии Чола. Запугав его своей неимоверной силой, он получил от него, привел и поселил на Цейлоне кроме тех 12.000 человек, которые были уведены, еще 12.000, полученных им в виде удовлетворения за набег. Он также взял с собой на Цейлон, украшенные драгоценными камнями ножные браслеты Паттини, эмблемы богов четырех храмов и священную чашу Будды для собирания милостыни. Эта чаша была увезена тамилами в Мадуру при короле Валагамбаху. Привезя на Цейлон ножные браслеты Паттини, Гаджабаху, по преданию, установил культ этой богини. История возникновения этого культа в Индии излагается в тамильском эпосе Śilappadhikāram.[4] Поэтому Паттини считается индуистической богиней, культ которой и самое понятие о которой — тамильского происхождения.

---

[1] H. Parker. Op. cit., p. 151.

[2] Хотя Parker и отрицает связь Паттини с Горным Духом, но он подробно рассказывает о плясках на скалах в честь Духа Гор, или, как он иначе называется, «бога скал». Его этот исследователь считает древнейшим и основным божеством кендийцев и веддов. Ведды — это те первобытные обитатели Цейлона, от смешения с которыми иммигрантов из северной Индии, по мнению Parker'a, произошли кендийцы. При этих плясках «anumaetirāla», шаман, обязательно носит бренчащий ножной браслет, такой же, какой является эмблемой богини Паттини (op. cit., p. 197). Богиня Паттини, обычно почитается не под видом женской статуи, а под видом ножного браслета, что и понятно в ее аспекте богини целомудрия, так как, по индийским понятиям, на целомудренную женщину никто не может смотреть выше ее ножного браслета. Этим объясняется то, что Лакшмана, брат героя Рамаяны — Рамы, не мог описать похищенную жену его, свою невестку Ситу, выше ее ножного браслета. Кроме обязательности ношения жрецом Горного Духа этого олицетворяющего Паттини украшения во время совершения им пляски, на связь богини Паттини с горными божествами указывает и то обстоятельство, что в храмах Духа Гор, почти всегда находится и изображение богини Паттини, в виде ножного браслета. Перед началом пляски и после ее окончания «anumaetirāla» приносит жертву и поклонение вместе с горным богом и тем другим божествам, эмблемы которых покоятся в храме, в том числе и Паттини.

[3] The Rājāvaliya. Edit. B. Gunasekara, Colombo, 1900, p. 48.

[4] Тамильский эпос Śilappadhikāram, по тамильскому преданию, написан младшим братом короля Senguttuvan'a из династии Chēra, по имени Ilango. Обычно считается, что Senguttuvan и Gajabāhu I были современниками, но хронология династий и королей дравидийских царств в южной Индии, также как и первых веков сингальской истории, еще очень плохо установлена. Поэтому здесь все эти даты даются только согласно преданию, тем более что для разбираемого вопроса, их точность неважна. Эпос о ножном браслете считается одною из «пяти жемчужин» тамильской литературы, и знакомство с ним широко распространено.

На Цейлоне с ее культом связаны некоторые чрезвычайно древние и примитивные обычаи, не встречающиеся в культе мадурской Паттини-Деви. Из-за этого приходится задуматься над вопросом о происхождении этих особенностей культа. Паттини считается богиней, управляющей эпидемиями и, в частности, оспой. В ее честь, во время появления эпидемий, организуется религиозная игра, которая называется aṇkeliya, что значит «перетягивание рогов». Население разделяется на две партии: одну, называемую Ята-пила, или «нижний ряд», который обозначает партию богини Паттини, и другую называемую Уда-пила или «верхний ряд», обозначающую партию мужа богини. Принадлежность к этим партиям наследственна, и обычно члены одной не вступают в брак с членами другой. В диких местах для этой игры берут два оленьих рога, а в более культурных — два загнутых куска сердцевины тамариндового дерева (чрезвычайно крепкого) и зацепляют их друг за друга. К противоположным концам этих рогов привязываются веревки. Одна из них укрепляется вокруг ствола дерева, у которого происходит церемония, а другая обвивается вокруг колоды — корневища кокосовой пальмы врытой в нескольких метрах от дерева. Эта колода называется по-сингальски Хенаканда, что значит «пень от разбитого молнией дерева». Действительно, обычно стараются взять именно такой пень. Его врывают на глубину полутора метра корневищем вверх. Из земли Хенаканда торчит не менее, чем на пол метра, не более, чем на два. Вторая веревка, протянутая от рогов обвязывается вокруг корневища и к нему же привязывается несколько довольно длинных веревок. За них берутся все члены партии Паланги (мужа богини) и изо всех сил тянут до тех пор, пока один из рогов не сломается. В это время члены партии богини стоят в качестве зрителей под деревом. Впрочем, иногда обе партии тянут сообща. Перед началом церемонии рога, веревки, балки и прочие принадлежности игры, посвящаются богине в местном храме Паттини, если таковой имеется, а если нет, то каждая партия несет свои принадлежности в торжественной процессии на место состязания, где построены два маленьких навеса. Под каждым из них стоит небольшая платформа или жертвенник, покрытый цветами. Каждая партия кладет свои принадлежности на свой жертвенник, обрызгивает их шафранной водой, совершает каждение благоуханиями, и жрец, под брянчанье полыми ножными браслетами Паттини и звуки разных музыкальных инструментов, обращается к ней за помощью.

Когда один из рогов сломается, то предводители обеих партий совместно осматривают их и устанавливают, какой рог сломался. Целый рог-победитель заворачивается в белую ткань и предводитель той партии, которой принадлежит рог, обносит его на голове вокруг Хенаканда, причем

над рогом держат белый балдахин (кусок ткани, привязанный к четырем бамбуковым шестам), и переносит назад в храм или на свой временный жертвенник. Процессия сопровождается музыкой. Затем от Хенаканда до дерева, под которым происходила церемония, натягивается веревка. Побежденные садятся по одну сторону ее, а победители — по другую и выигравшие издеваются над проигравшими, употребляя при этом все известные им бранные и непристойные слова, и сопровождая их всевозможными неприличными движениями. Предполагается, что в том случае, если победит рог богини, то она умилостивится и эпидемия прекратится. По окончании церемонии рог победителей под белым балдахином обносится по всей деревне и посещает дома членов партии победителей. В каждом доме жрец читает заклинания, сопровождаемые звоном ножных браслетов богини и музыкой. Таких рогов ломают от одной до семи пар. В заключение устраивается пир и т. д. Вообще подробности этой церемонии бывают различны, но всегда повторяются три ее основных составных элемента: посвящение принадлежностей состязания богине, ломание рогов путем перетягивания и всяческие неприличные издевательства победителей над побежденными. Все это носит характер пережитков древней, может быть, человеческой жертвы.[1] Сингальцы называют эту церемонию «пуджава», что значит жертвоприношение, и при том именно божеству, а не демону.

Вторая религиозная игра-жертвоприношение — Додан-келия или Дехикелия, т.-е. игра апельсинами или лимонами. Для нее богине посвящаются две кучи апельсинов или лимонов, из которых одна принадлежит партии Ята-пила, а другая — Уда-пила, т.-е. опять-таки партии Паттини и ее мужа Паланга. Обе партии располагаются друг против друга, вытянувшись в длинную линию и по очереди перекатывают друг к другу свои апельсины. Противник старается ударить апельсином, который он держит в руке, по катящемуся к нему, так чтобы раздавить последний. Этого я не видела, описание это встречается у Parker'а и кажется мне мало вероятным. Я думаю, что игра в апельсины происходит так же, как и игра в лимоны, при которой после посвящения плодов и распределения играющих в два противоположные длинные строя, лимоны не перекатывают по земле, а бросают в противников так, чтобы они пролетели над вражеским строем и упали дальше проведенной за ним черты, за которую противник не может отступать. Описание игры в апельсины, приводимое Parker'ом, мне кажется, является контаминацией с игрой в кокосовые орехи, при которой также происходит посвящение богине Паттини двух равных куч орехов, причем особенно ценятся орехи одного определенного сорта с особенно толстой

[1] Ср. Crooke. Popular Religion and Folklore of Northern India, vol. II, p. 176, состязание в бросании камней — пережиток человеческой жертвы Kankeswarī в Непале.

скорлупой, играющие роль яиц-битков при наших пасхальных играх с яйцами. Кокосовые орехи, также по очереди, как апельсины и лимоны, бросаются одной партией в другую. Противник должен своим орехом ударить летящий или катящийся к нему орех и этим ударом остановить его; при этом один из двух орехов обычно раскалывается и после этого принадлежит той партии, чей орех остался цел. При всех этих трех играх проигрывает та сторона, у которой не осталось ни одного апельсина, лимона или ореха.

По окончании игры победители, также как после игры в перетягивание рогов, подвергают побежденных всевозможным издевательствам. Побежденные не имеют права ни отвечать, ни уклоняться. Очевидно, что и в этих трех играх, так же как и в игре с рогами, основные три момента следующие: 1) посвящение орудия состязания богине, 2) самое состязание, причем в противоположность игре с рогами, где идет соперничество в силе, при этих трех играх происходит прежде всего соперничество в ловкости, и, наконец, 3) издевательство со стороны победителей и безответная покорность со стороны побежденных. Эти три момента сохраняются при всех играх в честь Паттини на Цейлоне и поэтому, очевидно, являются существенными.

Parker говорит, что победа партии Паланги является знаком того, что эпидемия (оспа) еще не приближается к концу. Я тоже слышала такое же толкование, но Ludovisi[1] сообщает, что он слышал обратное объяснение.

Когда я расспрашивала, почему обыкновенно такие чуткие в вопросах чести сингальцы, в случае поражения, безропотно сносят оскорбления, сотой части которых в повседневной жизни совершенно достаточно, чтобы заставить сингальца тут же заколоть обидчика, то мне объяснили, что кто-то из их партии совершил, очевидно, грехи, вызвавшие гнев Паттини и, таким образом, накликавшие эпидемию. Никто не может знать точно, кто в этой эпидемии виноват, но так как принадлежность к той или другой партии есть состояние постоянное, то все принадлежащие к ней и должны сообща участвовать в искуплении и потому, чем непристойнее и бесчестнее будет обращение с ними, тем в большей степени произойдет искупление, тем скорее Паттини умилостивится. Значение символов, заключающихся в этих играх, мне кажется, довольно ясно; очевидно фаллическое значение рогов и чрезвычайно, вероятно, родственное им значение разбиваемых или бросаемых круглых и овальных предметов. Что все эти символы и обряды должны принадлежать очень примитивному культу анимистического характера, не может подлежать сомнению; важно было бы, однако, выяснить, насколько они составляют обязательный элемент в культе той мадурской богини, поклонение которой привез из Индии король Гаджабаху.

---

[1] Journal of the Ceylon Branch of the Royal Asiatic Society, 1873, p. 25.

Поэтому, когда я была в Мадуре, я старалась разыскать, какие-либо следы подобных обрядов в культе той богини оспы, которая, очевидно, была вывезена на Цейлон под именем Паттини. Однако, ничего подобного я там найти не могла. Denham[1] пишет о переселившихся на Цейлон из южной Индии муккуварах (тамильская каста рыбаков) следующее: «Церемония или игра aṇkeliya, или перетягивание рогов, встречается у муккуваров округа Баттикалоа на восточном берегу Цейлона, которые говорят, что две партии обозначают Шиву и его супругу Аммаль (что по-тамильски значит «госпожа», «матрона») и что церемония эта совершается, чтобы умилостивить гнев Аммаль каждый раз, когда случаются эпидемии. Обычно эта игра, посвященная богине Паттини, совершенно чужда всем тамильским округам, хотя и была, прежде единственной, национальной игрой сингальцев». Итак, Denham предполагает вероятным заимствование этой игры от окружающих сингальцев и подкрепляет мои сведения об отсутствии ее у тамилов. Это подает мысль, что игры в честь Паттини являются остатком культа какой-то не привозной, а местной богини, управляющей эпидемией, богини примитивной, анимистической, к которой была приурочена, привезенная Гаджабаху, история богини Паттини-Деви из Мадуры. Это было тем легче, что слово «паттини» значит просто «госпожа», «матрона», «супруга». Самое это слово — не тамильское, а санскритское, вполне понятно сингальцу, язык которого сродни санскритскому. По-санскритски и по-сингальски «паттини» значит «целомудренная супруга», «матрона». Имя Паттини-Деви в тамильском языке является испорченным заимствованием санскритского слова «патни» и обозначает «богиню-супругу» (подразумевается супруга бога Шивы). Заимствования обычно сохраняются гораздо более цепко и неизменяемо, чем собственное культурное наследие, гораздо легче поддающееся приурочиваниям и всяческим изменениям. Поэтому наличие в сингальском культе Паттини обрядов, не существующих в соответствующем тамильском культе, не есть новое развитие на сингальской почве чужого привозного культа, не есть пополнение его такими примитивными обрядами. Скорее оно является доказательством наличия на Цейлоне древней местной богини, к которой благодаря сходству признаков — быть может, даже лишь только одного признака — властительницы эпидемий и, в частности, оспы — была целиком приурочена вся история богини Паттини-Деви из Мадуры. Таким образом, эта туземная богиня была введена в индуистический пантеон, подобно тому, как Афродита, вышедшая из моря, вошла в христианские святцы Пелагеей, или славянский скотий бог Велес святым Власием покровителем скота. История богини Паттини, как она живет

---

[1] Ceylon at the Census of 1911, p. 227.

посейчас на Цейлоне, чрезвычайно сложна. Мне пришлось ее слышать и записать в нескольких версиях чрезвычайно, однако, близких между собой. Эта легенда является одним из самых любимых сюжетов жатвенных сказочников.

У сингальцев существует обычай, согласно которому во время собирания жатвы и, главным образом, по окончании ее, вся деревня по вечерам собирается недалеко от храма, вокруг имеющегося в каждой деревне профессионального сказочника, и тот рассказывает мерной речью какую-нибудь сказку. Сказки эти своей темой имеют всегда «джатаки», т.-е. рассказы о предыдущих жизнях Будды, иногда перемежающиеся с комичными, часто грубыми историями в боккачиевском стиле. Одну из этих сказок, рассказ о Паттини, мне удалось записать. Сказание о ней сохранилось не только в устах таких сказочников, но и в ряде народных книжек. W. A. de Silva в своей статье «Pattini Devi»[1] перечисляет семь из них.

Каждая дает какие-нибудь отдельные моменты из сказания о Паттини; так, одна рассказывает о рождении и замужестве ее, другая о ножном браслете, третья об установлении ее культа, четвертая о введении ее культа на Цейлоне. Наконец, они же называют и других Паттини, т.-е. обладающих сверхъестественными силами женщин. Интересно, что эти книжки насчитывают семь таких Паттини. Не является ли это число признаком заимствования тамильских семи Каннимар или семи Матерей? Книжки эти очень распространены в народе и, конечно, постоянно поддерживают сказание о Паттини. De Silva указывает книгу «Vesa Medima» («Неприятности от танцовщицы») как наиболее близкую по содержанию к записанному мною варианту.

Сам же рассказчик, или, по крайней мере, главный из них, ссылался на книжку «Pattini Hella» («Книга о Паттини»), которую сам он не видал. Книга эта хранится, по мнению сказочника, завернутая в красный или лиловый шелковый плат, в ларце из резной слоновой кости, в главном храме города Кенди, Малигаканде. Сказочник в Кенди никогда не бывал. Он слышал о «Pattini Hella» от того сказочника, у которого выучился этой сказке, как об источнике ее. Впрочем, и этот другой сказочник сам ее тоже не видал. Однако, все эти книжки, рассказывая о судьбах Паттини, не повествуют о том, что с ней случилось после ее смерти и не связывают ее с буддизмом. Все они строятся на тамильском эпосе «Śilappadhikāram» («История ножного браслета»). Вкратце его содержание сводится к следующему.

Ковалан из города Пухара (Kaverippūmbaṭṭanam) очень молодым женился на Каннахи. Свадьба была отпразднована со всяческой роскошью,

---

[1] The Ceylon Antiquary, October 1915.

и молодые, проведя в доме свекрови короткое время, поселились отдельно в своем городе. Некоторое время их брак был совершенно счастлив, но затем Ковалан увлекся прекрасной танцовщицей Мадхави, от которой и имел дочь. Каннахи была очень огорчена этим, однако, не только осталась верной своему мужу, но и продолжала его любить, как будто между ними ничего не случилось. Спустя несколько лет на празднике бога Индры, когда все пухарское общество весело проводило день на берегу моря (Пухар по преданию стоял на месте впадения реки Кавери в море), Ковалан и Мадхави, под аккомпанемент музыкальных инструментов, импровизировали друг для друга песни. Содержание одной из них заставило Ковалана заподозрить Мадхави в неверности, и оскорбленный этим Ковалан вернулся в этот день в свой дом, вместо того чтобы пойти к ней. Каннахи, заметившая, что с ее мужем случилось что то неприятное, удвоила внимательность и любезность к нему. Охваченный раскаянием Ковалан рассказал ей всю свою историю с Мадхави и высказал решение искупить свою прежнюю вину. Он обещал переселиться в Мадуру и заняться там коммерческой деятельностью, если Каннахи согласна следовать за ним. Каннахи с радостью согласилась и отдала мужу свои ножные браслеты, единственную драгоценность, еще уцелевшую у нее и не отданную ее мужем Мадхави. Этой же ночью, не предупредив никого, Ковалан и Каннахи отправились в Мадуру. Оставив жену у одной гостеприимной пастушки в предместьи Мадуры, Ковалан отправился в город продавать один из двух ножных браслетов. Он долго искал покупателя и не находил, в виду высокой ценности этого украшения. Наконец, он встретился с одним ювелиром, направлявшимся во дворец. Ювелир предложил Ковалану продать его браслет при условии, что Ковалан посидит и подождет его, пока он вернется из дворца. После этого золотых дел мастер пошел к королю и доложил ему, что вор, укравший ножной браслет королевы, пойман и ждет со своим браслетом, потому что ювелир обещал купить его. Король, очень огорченный потерей этой драгоценности и горем королевы, сказал, что надо принести ему браслет, а вора казнить. Собственно, он подразумевал, что надо доставить ему браслет и вора, которого надо будет казнить, если он окажется виновным. Эти слова короля ювелиром были истолкованы неправильно и Ковалан был сразу же убит, а браслет доставлен королю. Когда весть об этом происшествии дошла до Каннахи, то в гневе своем она забыла свою обычную скромность: веря в невиновность мужа и силу своего целомудрия, она отправилась ко дворцу с другим ножным браслетом в руке и принялась звонить в колокол справедливости у главных ворот. Сказание говорит, что во времена королей из династии Пандья у главных ворот дворца висел колокол, в который мог звонить каждый ищущий справедливости. О таком звоне немедленно докладывалось королю, и он лично разбирал эти дела.

В царствование этого короля это был первый случай. Каннахи немедленно была допущена к королю и тут же доказала, что полученный от Ковалана браслет принадлежал ей, а не королеве. Она показала во-первых свой парный браслет, а когда оказалось, что королевин выглядит так же, то указала, что камешки, которые были насыпаны в браслет для звона, как в ее парном браслете, так и в полученном от ее мужа были рубины. Браслеты же королевы были наполнены жемчужинами. Доказав таким образом несправедливость убийства Ковалана, Каннахи изрекла проклятие, по которому Мадура должна была быть вся сожжена пожаром за эту вину короля. Будучи не в силах перенести свое бесчестье, король тут же умер, и королева последовала за ним, а Каннахи выйдя в западные ворота города поднялась в горы, где, согласно обещанию мадурской богини, она должна была через две недели соединиться со своим мужем. Король горных племен этой местности, стоял лагерем вместе со своей королевой, когда к нему пришли люди его племени рассказать, что они видели соединение Каннахи и Ковалана. По просьбе своей супруги король построил храм и посвятил его целомудренной жене — Каннахи, которая стала известна под именем Паттини-Деви, а наследник и, вероятно, сын короля, убившего Ковалана, принес в жертву Паттини-Деви сто золотых дел мастеров.[1]

Если теперь сравнить с этим сюжетом записанный мною вариант сингальского сказания о Паттини, то кроме большого сходства, найдем и некоторые очень существенные различия. Вот этот вариант.

Паттини родилась из манго и будучи рожденной внеполовым путем не могла иметь сношений с мужчиной; но так как женщине принято выходить замуж, то и она вышла за чрезвычайно красивого человека, Пхалагурунпансе. Так как она оставалась девушкой, то он с ее согласия посещал одну танцовщицу. Паттини отдавала ему все, что она имела и мало по малу все их состояние перешло к этой другой женщине. Когда у Пхалагурунпансе не осталось ничего, что он мог бы ей дать, то он перестал ее посещать. Танцовщица, желая его возвращения к ней, попросила у своей сестры совета. Сестра сказала: «Прежде всего ты должна построить большой зал (для танцев)»; поэтому они приступили к приготовлениям к церемонии «Некат» (празднество планет).[2] Тысяча человек семь дней обследовали землю танцовщицы, чтобы найти подходящее место и в течение тридцати дней закладывали фундамент. Было поставлено триста колонн и на них положено

---

[1] Пересказ эпоса о ножном браслете у S. Krishnaswami Aiyangar. Ancient India London, 1911, p. 343.

[2] Для церемонии празднества, т.-е. умилостивления, планет строится разукрашенный навес, под которым происходят пляски и пение заклинаний, угощение гостей и т. д. Общее название для этих церемоний на Цейлоне — Бали. Некат — специально церемонии, посвященные созвездиям лунного зодиака.

сорок девять балок; они были перекрыты двумя стами других балок, а на них положили девятьсот бревен и для того, чтобы укрепить их, — девятьсот палок, называемых uman kotu — (внутренние балки, подпоры), что значит поддержка балки. Из лесу достали бамбук, разрезали его на тонкие полоски и подвязали их золотой проволокой; ими они укрепили черепицы. Потом были поставлены ряды изваянных фигур вокруг всего зала и ряды фигур гусей (священная птица). На крыше поставили золотой шпиц, как на дагобе. У каждого входа поставили «торана» (украшенные ворота), построили прекрасные стены. Пол сравняли и сгладили чистым и душистым маслом. Письма, написанные на листьях талипотовой пальмы, были посланы во все соседние страны. Тогда князья Ланки (Цейлон) были привезены в это место специально посланными министрами (так сказочник назвал послов танцовщицы), с которыми были отправлены эти письма, и всевозможный народ был приглашен посмотреть на пляски. Потом были отмерены пять мер золотого «чунама» (мелкой золотой пудры), которая предлагалась гостям, чтобы ею пудриться (как пудрятся рисовой пудрой).[1] Вдовы тоже были приглашены. Так собралось на это место много царственных принцев и принцесс. Только Паланга, муж Паттини, не прибыл. Тогда танцовщица спросила свою сестру: «Что же теперь мы можем сделать, чтобы его получить?». Сестра отвечала: «Пошли ему письмо». Письмо было послано. Паттини встретила посланного и взяла от него письмо. Она прочла его, разорвала и стала обеими ногами топтать. Она сказала: «Танцовщица, этакая тварь, пишет письмо, приглашающее моего мужа, — мужа той, которая больше чем она». Тогда посланный, который видел и слышал это, вернулся и рассказал танцовщице. Она опять спросила свою сестру, что делать, и сестра посоветовала послать Пхалагуруннансе другое письмо. Это было сделано; прочитав его, он стал очень желать не быть единственным отсутствующим на празднике, на котором присутствуют короли и многие другие. Упав к ногам Паттини, он стал просить разрешения пойти. Паттини отвечала: «Я об этом ничего не знаю, лучше попроси у своих родителей разрешения». Тогда Пхалагуруннансе пошел к своим родителям, которые сказали: «Мы об этом ничего не знаем, лучше получи разрешение от Паттини». Пхалагуруннансе вернулся, бросился к ногам Паттини и умолял ее разрешить ему. Паттини отвечала: «Хорошо, если хочешь, то иди по своей собственной воле. Я знаю, что ты вернешься ни с чем». Тогда Паттини снарядила две тысячи человек, тысячу, чтобы они шли впереди него, тысячу, чтобы следовали за ним с флагами и сбруей для слонов, и приказала им беречь Пхалагуруннансе, советуя ему не покидать их, а оставаясь

[1] Эта же золотая пудра употребляется в большом количестве танцовщицами, в особенности для напудривания волос в золотистый цвет.

посреди них, смотреть на танцы. Все они пошли к танцовальному залу. Сестра танцовщицы вошла в круг и, танцуя, два раза высоко прыгнула в воздух. Спустя некоторое время среди своего танца, она опять высоко прыгнула и, наконец, увидала Паланга.[1] Пораженная его изумительной красотой, она упала на землю без чувств. Танцовщица, ее сестра подбежала в этот момент и, заговорив немного воды, вылила ее на лицо сестры. Когда последняя пришла в себя, танцовщица спросила ее о причине обморока, и та отвечала, что, пораженная изумительной красотой супруга Паттини, она потеряла сознание. Услышав это, танцовщица сказала: «Теперь я буду танцовать». И сейчас же войдя в круг, она начала танцовать, подбрасывая вверх золотое ожерелье. Видя это каждый из собравшихся князей желал: «О, если бы это ожерелье упало на мою шею». Но она хотела, чтобы оно упало на шею Паланги.[2] Оно упало на его шею и до конца этого дня, т.-е. до следующего утра, танцовщица удержала Палангу, как своего мужа. После этого она силой овладела всем его богатым снаряжением и выгнала его. Он пошел обратно к Паттини, упал к ее ногам и описал, что случилось. Тогда она сказала: «Я больше ничего не имею дать тебе. У меня остались эти восемь унций золота, бери по одной в день и ходи к ней».[3] Когда и это золото иссякло, и он пришел к ней со слезами, она сняла свой ножной браслет, стоивший сто тысяч золотых монет и дала его ему со словами: «Продай его и принеси деньги». Паланга взял его и только что собирался идти, как начала каркать ворона и Паттини сказала: «Это дурной знак. Не иди сейчас». Тогда Паланга порезал свое бедро, взял своей крови, смешал с небольшим количеством риса и дал вороне, и ворона съела. После этого Паланга отправился в путь, но Паттини очень огорченная уходом своего мужа, последовала за ним на очень близком расстоянии, оставаясь незамеченной. На ночь Паланга остановился около домов каких-то пастухов и Паттини тоже пришла туда. Увидя ее, Паланга был очень раздосадован и со словами: «Когда мужчина идет с торговыми целями, разве он может брать с собой жену и детей!» бросил браслет на землю и сказал Паттини, чтобы она его взяла. Паттини же отвечала, что она пришла не потому, что ей было жаль браслета, но из любви к своему мужу. Паланга, смягченный этим ответом стал убеждать Паттини, что он непременно вернется в течение восьми дней, и, взяв назад браслет, отправился дальше. Наконец, он пришел в город короля Пандья и нашел улицу ювелиров. Он

---

1 Рассказчик употреблял эти оба имени Phālagurunnanse и Palanga совершенно promiscue. Phāla (лемех плуга) есть одно из имен бога Шивы, gurunnanse значит владыка, anga — тело. Поэтому имя Phālagurunnanse звучит почтительнее.

2 Ср. описание выбора жениха, svayamvaram, в «Наль и Дамаянти».

3 По другому варианту Паттини давала Паланге каждый день по пятьсот золотых монет, пока не обнищала.

вошел в дом одного из них и предложил браслет на продажу. Золотых дел мастер схватил браслет, прямиком побежал во дворец короля и отдал его королеве, говоря: «Вот потерянный вашим величеством ножной браслет». Королева взяла его в руки, но обожгла их и уронила его на землю. Тогда она заявила: «Это не мой ножной браслет, это ножной браслет богини Паттини». Золотых дел мастер, однако, сказал: «Это напоминает сказку о маленьком человечке»[1] и поэтому король поверил, что Пхалагуруннансе на самом деле был вор. Тогда он приказал, чтобы палач отрубил голову супругу Паттини. (По другому варианту, рассказанному женщиной из той же деревни, король напоил слона пальмовым вином и послал его убить Пхалагуруннансе. Но слон, как ни был пьян, только склонил перед Палангой колено и вернулся не причинив ему никакого зла. Тогда король послал собак разорвать его в куски, но и они вернулись, не тронув его и только после этого следовал рассказ о палаче).

Когда приказ был доставлен в дом палача, жена его, которая в это время спала, увидала сон, и рассказала его своему мужу по его возвращении. Она сказала: «Я видела молнию, сверкающую при раскатах грома; я видела как упал блестящий золотой шпиль (храма или дворца); я видела, что золотой дворец превратился в груды развалин. Эти три вещи я видела во сне». Услышав это, палач сразу же сказал: «Очевидно, что какое-то страшное несчастие должно обрушиться на народ или что какой-то король или королева окажутся убитыми». Вскоре после этого палач отвел Пхалагуруннансе к дереву kohomba (*Azadirachta indica*) и убил его.

Паттини, тщетно прождав мужа восемь дней, решила пойти его искать. Она приготовила разную еду и всякие запасы, сложила все в корзинку, приказала прислужнице нести ее и отправилась на поиски. Корзина была так тяжела, что через короткое время девушка пожаловалась на головную боль (в южной Индии и на Цейлоне корзины носят на голове). Тогда Паттини предложила, что она сама понесет ношу, но служанка не согласилась и понесла корзину дальше. Но скоро она пожаловалась на то, что у нее болит плечо, и Паттини предложила ей отдохнуть немного где-нибудь в тени. Они отдохнули и пошли дальше. Через несколько времени девушка опять пожаловалась на боль в ногах, и Паттини опять предложила взять корзину. Служанка отвечала, что она не может позволить своей знатной госпоже тащить такую

---

[1] Эту историю сказочник тоже рассказал. Она касается одной королевы, влюбившейся в урода за его чудное пенье и проповеди. Ее супруг, узнав о неверности жены, наказал обоих невероятно отвратительным способом. Напоминанием об этом случае ювелир заставляет королеву замолчать, чтобы не навлечь на себя подозрение в любовной связи с красавцем Пхалагуруннансе. В действительности ножной браслет королевы был украден именно этим самым золотых дел мастером.

тяжесть, а самой просто идти рядом, и они опять отдохнули в тени баньяна.[1] Потом они пошли дальше и, наконец, пришли в ambalama.[2] В этом ambalama жила дьяволица-людоедка. Она уходила на поиски человечьего мяса и как раз возвращалась. Увидя ее на расстоянии, Паттини сказала своей служанке: «Смотри ка, девушка, видишь, идет дьяволица с клыками, как стволы железного дерева.[3] Это она идет съесть нас». Служанка ответила: «Госпожа, оставьте меня одну в ambalama, как приношение дьяволице, а сами продолжайте свой путь». Паттини возразила: «Или ты не знаешь, что я Паттини?» (т.-е., что я всесильна), и с помощью своей силы она заставила дьяволицу остановиться на некотором расстоянии от навеса, не в силах сделать ни шагу дальше, и насмешливо спросила ее: «Что же, дьяволица, почему ты не подходишь? Почему ты там остановилась?» Дьяволица отвечала: «Мои ноги не в силах двигаться, и я не могу сделать ни одного шага». Когда Паттини разрешила ей приблизиться и спросила ее, зачем она так грешит? Дьяволица отвечала «Острая боль в моем желудке (голод) так велика, что я вынуждена есть мужчин и женщин». — «Отныне», промолвила Паттини: «ты не должна есть человечьего мяса на моей земле. Будь прекрасна, как я сама. Защищай мои храмы и заботься о них. Будь другом людей этой страны, вместо того, чтобы быть их врагом». И Паттини пустилась в дальнейший путь. Она пришла к реке, которая, благодаря желаниям короля Мадуры из рода Пандья, знавшего о приближении Паттини, разлилась наводнением без дождей.[4] Лодочник, который обыкновенно перевозил людей на другой берег, как раз сидел и ничего не делал и на вопрос Паттини: «Лодочник, отчего ты не перевозишь людей на другой берег?», закричал: «Чего ты, нахалка,[5] пристаешь, или ты не знаешь, что король запретил перевозить кого бы то ни было на другую сторону?». Паттини заинтересовалась причиной такого приказа, но лодочник не знал ее. Тогда Паттини обратилась с молитвой к небу и земле, сняла со своей руки кольцо и бросила его в реку. Воды немедленно разделились, открыв ей для перехода на другую сторону дорожку, покрытую белым песком. Как только она перешла, лодоч-

---

[1] По-сингальски баньян — Nuga (*Ficus indica*). Ср. с этим то обстоятельство, что ведды и соседи их кендийцы, для предотвращения надвигающейся эпидемии устраивают в честь Galē Yakā (Горного Духа) и супруги его Kiri Ammā богослужебные пляски. Они происходят или под баньяном, или под железным деревом Nā (*Messua ferrea*). Parker. Op. cit., p. 188.

[2] Открытый дом-навес, строящийся индусами по дорогам в качестве бесплатного пристанища для приезжающих; постройка такого дома является добрым деянием, во искупление грехов.

[3] По-сингальски Nā, (*Messua ferrea*); см. примечание о баньяне.

[4] Все южные индийские реки, почти высыхающие в жаркое время года, во время дождливого времени вздуваются в страшные потоки, заливающие и сметающие все на своем пути.

[5] Индусской женщине неприлично самой заговаривать с посторонними мужчинами.

ник заметил, что он и вся его семья поражены оспой. Он бросился к Паттини, упал к ее ногам и умолял ее простить и даровать им здоровье, что она и сделала. Затем, чтобы вернуть себе свое кольцо, она протянула обе руки, и кольцо, поднявшись из воды, упало ей в руки.

Она отправилась дальше и дошла до улицы, где жили пастухи. Встретив одну пастушку, она спросила, не слыхала ли та о человеке, который бы соответствовал ее описанию Пхалагуруннансе. Женщина сообщила ей, что какой-то человек был арестован и казнен за преступное обладание ножным браслетом, принадлежащим жене короля Мадуры из рода Пандья. Когда она пошла дальше, некоторые из пастухов спросили, куда она идет. Она сказала, что идет искать мужа. Пораженные ее удивительной красотой, эти люди предложили: «Останься и отдохни ночь здесь, мы дадим тебе запястья на твои руки, ожерелья на твою шею, кольца для пальцев твоих ног и постель, покрытую золотой тканью, чтобы спать». Однако она отвечала, что будет отдыхать только, когда найдет своего мужа и только с ним. Тогда пастухи стали ее оскорблять говоря: «Вот идет красавица, но она публичная женщина и идет с дурными намерениями». Паттини, обращаясь к своей служанке, жаловалась на судьбу, вызвавшую ее разлуку с мужем и заставившую ее подвергнуться таким оскорблениям. Однако, она пожелала, чтобы это не было сочтено за грех ее мужу (потому что его грешные желания создали эту разлуку), и пошла дальше. Пройдя некоторое расстояние, она села отдохнуть на большом камне в тенистой роще.

В это время подошли два маленькие королевича, сыновья короля из рода Пандья, возвращавшиеся домой из школы. Она окликнула их и спросила их, куда они идут. Они отвечали: «Какое тебе дело, нахальная женщина? Мы возвращаемся домой, потому что хотим есть». Паттини предложила им кушанье, которое она несла с собой в корзинке, но они заявили, что этот род пищи, приготовленный чужими, для их королевских высочеств недостаточно чист. Тогда Паттини оторвала кусок от своего сари[1] и, подавая его своей девушке, попросила ее сходить на базар и принести взамен этого шелка бананов и пальмового сахара, так как королевичи сказали, что это они будут есть. Один из торговцев на базаре, посмотревши на материю, и убедившись в ее громадной ценности, сказал, что у него не хватит денег на сдачу, но служанка сказала ему, что сдачи не надо, а достаточно дать несколько бананов и пальмового сахара. Он дал просимое, и девушка принесла фрукты и сахар Паттини, а она разделила их между обоими мальчиками. Поев, королевичи заявили, что хотят пить, и служанка

---

[1] Ткань, завернутая вокруг тела в качестве платья.

принесла им воды из деревенского колодца, но они отказались пить из такого нечистого источника. Тогда Паттини, стоявшая на большом камне, приподняла ногу и сильно топнула по скале. И немедленно из этого места забил источник подобный лотосу. Мальчики утолили свою жажду и младший спросил своего брата, кто бы могла быть эта женщина. Старший отвечал: «Это должно быть какая-нибудь ученая». Но другой не согласился, говоря: «Нет, это невозможно, это очевидно существо, обладающее сверхъестественной силой». Тогда они спросили, что они могут для нее сделать? Паттини пожелала узнать, не могут ли они ей сообщить о ее казненном супруге. «Тысячу человек казнят каждый день в городе», отвечал старший королевич, «как можем мы описать того человека, о котором вы говорите?». Однако младший брат заметил ему. «Поев ее угощения, следовало бы выказать ей нашу благодарность». Тогда они ей сообщили, что человеку, которым она интересуется, отрубили голову под деревом kohomba. Паттини пошла на место казни и стала плакать и рыдать. Ее горе было так сильно, что Пхалагуруннансе вернулся к жизни в то время, как она обливалась слезами и приблизился к ней, чтобы ее коснуться, но она отступила назад, говоря: «Не тронь меня, не тронь, ты сейчас нечистое существо!».[1] Расколов дерево надвое и пройдя сквозь него, она убежала, а Пхалагуруннансе пытаясь догнать ее, застрял между двух частей ствола и дерево стало опять цело.

Так как Паттини сказала «не тронь меня» своему мужу, она совершила грех и поэтому до сего дня, она сидит на кончике иглы в Дивьялока,[2] слушает буддийскую проповедь и накопляет добрые дела, чтобы искупить свой грех.

Как этот сказочник, так и другие сингальцы из этой и других деревень, рассказывали эту сказку с объяснениями. Они говорили, что Паттини для того плакала и просила о воскресении своего мужа, чтобы сказать ему, что она прощает ему все горе, которое он ей принес. Сингальцы считают, что, если оскорбленный добровольно и от всей души простит своему обидчику раньше, чем тот умрет, то тому не придется ни в какой будущей жизни искупать причиненную им обиду. В ответ на это прощение, говорили они, Пхалагуруннансе дал своей жене разрешение родиться в следующей жизни мужчиной. С точки зрения сингальца из народа, женщина не может родиться мужчиной иначе, как если ее муж добровольно даст на это разрешение. Они говорят, что сам владыка Будда был женщиной, но столь добродетельной, что ее супруг разрешил ей в будущем родиться мужчиной. Без такого

---

[1] По верованию индусов мертвое тело нечисто, а души умерших, бродящие по земле — демоны.

[2] Дивьялока — мир богов, рай.

разрешения можно родиться животным, демоном или богом, но нельзя изменить свой пол. Теперь же, хотя Паттини сидит на иголке, искупая свой последний грех, но, когда ее искупление будет закончено, она вновь придет на землю и будет мужчиной и Майтри-Буддой.

Если сравнить историю Паттини, как она отражается в народных книжках, с историей Каннахи, то увидим гораздо меньше различий, чем при сравнении их обеих с устным, записанным мною вариантом, а именно: в этом устном варианте, с одной стороны, очень подчеркнуты сверхъестественные особенности Паттини, как, например, ее бесполость являющаяся следствием ее растительного происхождения, ее исключительная кротость, выразившаяся в разрешении и облегчении посещений мужем танцовщицы, несмотря на то, что и она страдала от естественной женской ревности; наконец, особенно характерным различием является указание на теперешнее пребывание Паттини в раю, посвященное искуплению ее столь малого греха и, в то же время, углублению в буддийское учение путем слушания в раю монашеской буддийской проповеди bana. Эта устная легенда о Паттини завершается сообщением о ее будущем приходе в мир, в качестве Будды, превращаясь таким образом, из сказания об индуистической богине в новую джатаку, т.-е. сказание об одной из предыдущих жизней Будды. При этом, ввиду того, что самое сказание проникло на Цейлон гораздо позже буддизма и приурочено к городу (Мадура), возникшему много времени спустя после смерти Будды, то и самая джатака приурочена не к Гаутаме Будде, а к имеющему притти в конце века Майтрейе Будде (по-сингальски Майтри-Будда).

А. Н. Веселовский[1] говорит о джатаках, которые он определяет как апологии нравоучительного характера, прилаженные к истории перерождения Будды и распространившиеся по путям пропаганды: «разумеется, не все сюжеты джатак были изобретением буддистов, они могли найти их и в местном предании». Он же[2] говорит: «сюжеты, это сложные схемы, в образности которых обобщились известные акты человеческой жизни и психики, в чередующихся формах бытовой действительности. С обобщением уже соединена и оценка действия, положительная или отрицательная. Для хронологии сюжетности, я считаю это последнее обстоятельство очень важным: если, напр., такие темы, как Психея и Амур и Мелюзина, отражают старый запрет брака членов одного и того же тотемистического союза, то примирительный аккорд, которым кончается Апулеева и сродные сказки, указывает, что эволюция быта уже отменила когда-то живой обычай: оттуда изменение сказочной схемы». Таким чуждым буддизму сюжетом, осмыслен-

[1] Поэтика сюжетов. Собрание сочинений, СПб., 1913, т. II, вып. 1, стр. 21.
[2] Ibid., 4.

ным в джатаку, является сказание о Паттини. То же обстоятельство, что ни «История ножного браслета», ни народные книжки о Паттини не содержат еще буддийского конца устного варианта, показывает, что эволюция этого сказания в джатаку происходит в народном сознании еще только в настоящее время.

Естественно возникает вопрос, почему именно «История о ножном браслете» была заимствована от тамилов и приурочена к местному божеству, а не были заимствованы какие-нибудь другие сказания, более или менее единовременно существовавшие у тамилов. Почему например, привилось на Цейлоне совершенно индуистическое сказание о Каннахи и не привился буддийский эпос Манимегалей?

Манимегалей — это дочь Ковалана и прекрасной танцовщицы Мадхави. Ее преследовал своей любовью сын пухарского царя, после того как умер Ковалан, а Мадхави отказалась от всех радостей жизни и стала последовательницей буддизма. Манимегалей сонною уносится ее покровительницей-богиней на далекий остров Manipallavam, где она знакомится с буддийским учением. Впоследствии она возвращается в Пухар с чашей для собирания милостыни обладающей сверхъестественной силой. Молодой царевич, бывший ее мужем в одной из предыдущих жизней, продолжает добиваться ее любви и погибает. Она же оставляет Пухар и отправляется в город Ванджи (Vanji) недалеко от современного Кранганора, где знакомится со всеми религиозными системами, но остается неудовлетворенной и, по совету своего деда, отправляется в город Канчи, который к моменту ее прихода погибает от голода. При помощи сверхъестественной чаши, она спасает все население. Здесь она встречается с монахом, знакомящим ее с самой сущностью буддийской философии, которая ее и удовлетворяет.

По своему содержанию этот эпос является как бы продолжением «Истории о ножном браслете». По своему характеру он — определенно буддийский. Казалось бы, что из двух этих сюжетов, именно он должен был бы привиться в буддийской стране; однако, сингальцы его не использовали для своего мифотворчества. Кто знает, если бы тамилы при короле Валагамбаху не увезли обратно в Мадуру чашу Будды, привезенную оттуда вместе с ножным браслетом Паттини-Деви, быть может, к ней и приурочилось бы сказание о чаше Манимегалей. Но за отсутствием потребности как-нибудь расцвечивать историю почитаемой реликвии, ввиду ее утери, сюжету Манимегалей не к чему было приурочиваться. При помощи же истории о Каннахи можно было ввести в легальное религиозное мировоззрение примитивную действенную богиню оспы, Паттини. При этом Паттини сублимировалась, так сказать, поднялась по социальной лестнице богов в Паттини-Деви, т.-е. превратилась в богиню-супругу.

Здесь тоже наблюдается нечто чрезвычайно интересное. Каннахи была супругой Ковалана (тамильское произношение санскритского имени Гопала). Гопала («пастух») — обычное название бога Вишну, и самое сказание прямо указывает на господствовавший в то время в Мадуре вишнуизм (так, дорогу в Мадуру Ковалану и Каннахи указывает брамин из Траванкора, возвращавшийся из Мадуры, куда он паломничал к святилищу Вишну). В настоящее время в Мадуре преобладает шиваизм. Храм богини оспы в этом городе считается храмом Кали, супруги Шивы, в ее аспекте Паттини-Деви. И в этом устном варианте, также впрочем, как и в народных книжках, муж Паттини называется Пхалагуруннансе, что значит «владыка Пхала», а Пхала есть одно из принятых и у сингальцев имен бога Шивы.[1] Таким образом, принадлежащие к вишнуитскому циклу Каннахи и Ковалан перешли в цикл шиваитский. Трудно сказать, как произошел этот переход. Возможно, что он имеет некоторую просто словесную опору в сходстве имен Пхала и Гопала. При наличии такого перехода возникает вопрос о месте его появления; попала ли вишнуитская богиня на Цейлон и здесь постепенно, под влиянием шиваизма, к которому принадлежит большинство оседлого на Цейлоне индуистического населения, стала супругой Шивы, или, наоборот, этот сдвиг произошел уже в Мадуре и богиня попала к сингальцам с самого начала как шиваитская? То обстоятельство, что в самой Мадуре шиваитский культ усилился и в значительной степени затмил вишнуитский, заставляет предполагать возможность перехода Паттини в цикл Шивы еще в Индии и заимствование ее на Цейлоне уже после него. Если бы можно было указать, хотя бы приблизительно, к какому времени относится усиление шиваизма в Мадуре, это существенно помогло бы датировать и время занесения этого сюжета на Цейлон, помогло бы определить, произошло ли оно при Гаджабаху I или II, царствования которых отделены целой тысячей лет. В Śilappadhikāram упоминается, что король Цейлона Гаджабаху также построил храм и установил поклонение Каннахи под именем Паттини-Деви. К сожалению, при неопределенности хронологии тамильских царств и всей истории южной Индии, при отсутствии возможности точно датировать самое Śilappadhikāram вопрос о проникновении его на Цейлон должен пока остаться открытым.

В цейлонском сказании о богине Паттини есть один эпизод, как-то особенно ярко подчеркивающий объединение в ней двух божеств, при чем одно из них местное, носящее общее всем веддским[2] божествам родовое название «якини» или «яксани». Паттини встречает на пути в Мадуру

---

[1] См. B. Clough. Sinhalese-English Dictionary, s. v. Phala.

[2] Ведды — первобытное население Цейлона, которое слившись с переселенцами из Индии образовало кендийцев. Parker. Op. cit.

якини или дьяволицу, которую побеждает своей мощью и которой затем дарует равную с собой красоту и поручает заботу о своих храмах и защиту их. В это время, однако, она еще жива и не канонизирована. Это поручение Паттини, напоминающее евангельское «паси овец моих», служит довольно явным показателем наличия местной богини, с которой заезжая слилась наподобие того, как во многих ранних христианских церквах в значительной степени сливались в одну фигуру Христос и тот из его апостолов (в особенности Фома и Петр), который насадил христианство в данной церкви.

Уже раньше было отмечено, что пляски в честь Galē-Yakā (см. прим. 1 к стр. 255) происходят под баньяном или железным деревом, играющими роль в истории Паттини. В легенде о ней есть и другой момент, связывающий ее с богом скал. Для того чтобы дать воду двум маленьким принцам, «Паттини, стоявшая на большом камне, приподняла ногу и сильно топнула по скале. И немедленно из этого места забил источник подобный лотосу». Такая власть над скалами и источниками есть обычное свойство горных духов. Кстати об этих двух принцах: по одному из вариантов сингальских сказаний, Каннахи возродилась дьяволицей (якини) (по другим рассказам — богиней) и прибыла на Цейлон, привезя с собой обоих сыновей мадурского короля, тоже ставших демонами (яка), и передала одному из них власть над эпидемиями, поражающими людей, а другому — над болезнями скота.[1]

Когда она прибыла к Цейлону, то четыре бога-хранителя не хотели ее пропустить на остров; тогда она окружила его огненной стеной, через которую не могли пройти боги, а сама она прошла совершенно свободно. В воспоминание об этом происшествии во многих местах на Цейлоне в честь богини Паттини и сейчас происходят церемонии прохождения через костер, подобные тем, которые совершаются тамилами южной Индии в честь Дурги, Драупади или Деви-Аммы, супруги Шивы. Эта церемония прохождения через огонь, хотя она и связана с Паттини, и хотя она и очень первобытна, кажется мне привезенной вместе с легендой о Каннахи, т.-е. обрядом связанным с заезжей богиней и, вместе с ее мифом, приуроченным к туземной богине гор. Огненная церемония встречается во многих местах, но не на всем Цейлоне, а главным образом там, где живут тамилы. Кроме того, она встречается и на материке Индии, у тех же тамилов.

У племен анимистических обоготворяются не только горы или камни, но и деревья. И посейчас на Цейлоне очень многие яка обитают в деревьях, мимо которых не следует ходить после захода солнца. Изустное сказание о Паттини сохранило не только указания на богиню скал, но и на такого

---

[1] Parker. Op. cit., p. 633.

древесного демона. Пхалагуруннансе был убит под деревом kohomba *(Azadirachta indica)*. Под ним его воскресила Паттини своими слезами. Когда же он приблизился к ней, то «расколов дерево на двое и пройдя сквозь него, она убежала, а Пхалагуруннансе пытаясь догнать ее, застрял между двух частей ствола и дерево стало опять цело». При этом, очевидно Пхалагуруннансе остался внутри дерева kohomba. Parker,[1] говоря о могущественном веддском и кендийском божестве Kohombē Yakā, демоне дерева kohomba, замечает: «Есть основания считать демона Кохомбе туземным богом веддов, ему подчинены три Vaedi Yakās, а также двенадцать других меньшего ранга». Таким образом в мифе о Паланге, может быть, еще слышатся отзвуки мифа о древесном боге.[2]

Живучесть сюжета Каннахи в сказании о Паттини есть доказательство положения Jacobs'a[3] о выживании наиболее приспособленных сюжетов. Приспособленность этого сюжета заключается именно в том, что при его помощи происходит объединение в один миф анимистического и последующего индуистического религиозного мировоззрения народа. В настоящее время и уже за последние несколько сот лет у сингальцев возникла новая потребность объединения мировоззрений, а именно, анимистическо-индуистского с буддийским; отсюда современное изустное заключение нашего варианта, превращающее миф в джатаку.

Когда мне приходилось беседовать с образованными сингальцами, то меня всегда поражало в них то обстоятельство, что они совершенно не объединяют для себя эти различные мировоззрения. Мало того, когда я напечатала в «The Ceylon Antiquary» (July 1915) этот устный вариант, то в следующем же номере один из сингальских ученых, W. A. de Silva, написал: «Ни один буддист не думает, что Паттини станет Майтри-Буддой: она увидит Майтри-Будду. Стремлением каждого буддиста является увидеть Майтри-Будду, потому что тогда он надеется (ставши его последователем) достичь нирваны». Поэтому de Silva считал, что запись такого варианта не нужна, так как передает явно ошибочное мнение. Дело в том, что образованные буддисты, также как вообще образованные индусы, сознательно отбрасывают все то, что не подтверждается документально, т.-е. священным писанием. Несомненно, что в значительной степени это обстоятельство является результатом влияния английского мышления, вышколенного про-

---

[1] Op. cit., p. 140.

[2] Между прочим, *Azadirachta indica*, называемая в Индии «дерево neem», вообще играет большую роль в различных индийских местных культах и, в частности, обычно связывается с богиней оспы, которая в некоторых случаях считается даже обитающей в нем, как северно-индийская богиня оспы Sītalā (ср. Crooke. Op. cit., vol. II, p. 104; vol. I, p. 129). =Маргоза

[3] Cinderella in Britain. Folk-lore, vol. IV.

тестанством. Это признание книги в качестве единственной нормы религиозного мировоззрения с полным отказом от всего того, что в ней не заключается, свойственно образованным классам всех народов, и является причиной того, что живой фольклор, т.-е. отображение в сказке, мифе или легенде действительно переживаемых изменений народного миропонимания, конечно, всегда текучего и изменяющегося, возможен только среди необразованных групп населения, несвязанных окостенелостью книги. Поэтому чем больше население читает, тем меньше оно может бессознательно творить. Громадная масса творчества есть или приурочивание известных мотивов и сюжетов к новым положениям, или вливание нового психологического содержания в комбинации довольно ограниченного количества мотивов и даже сюжетов. Недаром, не только в сказках, но даже в личном творчестве, мы встречаем постоянно повторяющиеся сюжеты, новые обработки старых тем. Обработки эти возможны только в случае психологической несвязанности автора с предыдущими. Чем больше человек связан книгой, чем больше с известными сюжетами связано определенное содержание, тем труднее вливать в него новое. Сказание о Паттини, как пример объединения индуизма с буддизмом, любопытно еще и с другой стороны. Паттини есть супруга Шивы и как таковая, конечно, от него неотделима, и, хотя de Silva и говорит, что ни один буддист не верит в ее рождение Майтри-Буддой, но, именно в тех же местах провинции Сабарагамувы, где рассказывали сказание о Паттини, мне говорили и о том, что имеется бог Натараджа (Шива), который живет в небе богов и который в будущем родится Майтри-Буддой. Правда, мне не удалось узнать в подробностях, почему Натараджа сейчас в небе богов и за какие дела он имеет стать Буддой. Другими словами, еще не существует — по крайней мере, я не могла найти — джатаки о жизни Майтри-Будды в качестве Натараджи, и, может быть, самое утверждение, что Шива-Натараджа станет Буддой, есть перенесение на него этого мотива с его супруги Паттини.[1]

Из всего сказанного можно сделать следующие главные выводы:

1. Сингальская богиня Паттини есть первоначально местное анимистическое божество кендийцев и веддов до знакомства их с индуизмом, вероятнее всего, женское божество скал или гор. К этому божеству, после знакомства с индуизмом, было приурочено сказание об индуистической богине Каннахи-Кали, супруге бога Шивы, почему Паттини обычно и считается европейскими учеными богиней, привезенной из Индии.

---

[1] Впрочем акад. С. Ф. Ольденбург («Буддийские легенды», стр. 2), пересказывая содержание составленного в Непале не ранее XIV в. сборника Bhadrakalpāvadāna, указывает, что Будда сообщает Шиве о предсказании Авалокитешвары насчет его — Шивы, которому предстоит самому стать Буддой, под именем Bhasmeçvara.

2. В настоящее время происходит процесс включения Паттини в круг буддийского миропонимания путем превращения ее легенды в джатаку.

Эти выводы касаются истории верований сингальцев, но легенда о Паттини интересна методологически и для фольклориста, так как она дает возможность установить: 1) причину выбора чужого сюжета для заимствования, а именно — заимствуется в данном случае то, что может служить ступенью для возвеличения старого примитивного божества и включения его в новую более высокую культуру; 2) причину выживания заимствованного сюжета — в настоящем случае, именно этот заимствованный сюжет, дающий возможность возникновения джатаки, позволяет эволюционирующему в своих религиозных воззрениях народу и дальше брать с собой своих старых богов, одевая их только в новое соответствующее новым взглядам одеяние; 3) причину невозможности мифотворчества для книжно-образованной интеллигенции. Новое учение, передаваемое устно наравне со всякой остальной, также устно передаваемой, традицией, оказывается ей равноценным и потому нуждающимся в согласовании с нею, но и традиция в таком случае также неизбежно нуждается в согласовании с этим новым учением. Книжно-образованная интеллигенция, отвергая традицию и воспринимая знание и верование глазом, а не ухом, т.-е. пользуясь совсем другой техникой восприятия, не нуждается в согласовании своих новых сведений с чем бы то ни было прежним и поэтому не имеет никаких причин прибегать к мифотворчеству.

L. MEERWARTH.

Résumé.

Die Legenden von der Pattini-Dewi.

Die Göttin Pattini-Dewi wird von den Singhalesen allgemein verehrt. Zwar bekennen sich dieselben zur Hinayanaform des Buddhismus, aber diese hochphilosophische Religion ist nur wenigen Ausserwählten in ihrer ganzen Reinheit zugänglich. Die Masse der Bevölkerung hält zähe an ihren alten animistischen Anschauungen fest. Grosse, auffallende Bäume und Felsen werden als Wohnsitze verschiedener Geister verehrt. Nach wie vor werden diesen zu Göttern erhobenen Geistern Opfer und Anbetung dargebracht, nur dass ihnen manchesmal neue Namen zugelegt werden. So ist auch die Göttin Pattini, welche von der europäischen Wissenschaft gewöhnlich für eine importierte indische Göttin gehalten wird, ein alter Berggeist der

Weddah. Es gelang mir in einem kleinen Dorfe in der Provinz Sabaragamuwa einem der Märchenerzähler, die ihre Märchen während der Erntefestlichkeiten den Einwohnern vortragen, eine Legende von der Pattini-Dewi nachzuschreiben. Es ist eine Verquickung der dem tamulischen Epos «Śilappadhikāram» zugrunde liegenden Sage mit der Geschichte und den Zügen der einheimischen Unholdin. Das Śilappadhikāram erzählt die Schicksale einer reinen treuen Gattin, deren Gemahl von dem König des Reiches Madura ungerechterweise hingerichtet wurde als er den Fussreifen (Śilampu) seiner Frau einem Juwelier zum Kauf anbot. Das Schmuckstück glich demjenigen der Königin, welches der Juwelier veruntreut hatte. Um sich zu rechtfertigen beschuldigte dieser den Fremdling des Diebstahls. Die erzürnte Wittwe fluchte dem König und der Stadt: diese brannte nieder, während jener sich das Leben nahm. Der treuen Gattin wurde ein Tempel gebaut, wo sie unter dem Namen Pattini verehrt wird. Pattini ist die tamulische Form des sanskrit Wortes Patni = Gattin. Pattini als treue Gattin wurde zur Göttin der Keuschheit und ihre Geschichte wurde auf den einheimischen singhalesischen weiblichen Berggeist übertragen, welcher unter der Form eines Fussreifens verehrt wurde. Dieses geschah, als der singhalesische König Gajabahu aus seinem Kriegszuge nach Madura den Fussreifen und den Kultus der dortigen Pattini nach Ceylon brachte. So bekam die einheimische animistische Gottheit Eintritt in das Hindu Pantheon, welches mit den tamulischen Eroberern in Ceylon einzog und die alte Religion überdeckte. Doch behielt die Göttin, wie die singhalesische Legende zeigt, ihre alte Gewalt über die Quellen, die einheimischen Unholde u. s. w. Sie behielt auch ihre frühere hohe Stellung in der Anbetung des Volkes. Aber nach und nach muss die hinduistische Religion vor der buddhistischen weichen, und der Singhalese muss seine alten Götter einem götterlosen Glaubenssystem eingliedern. Da greift er zu demselben bewährten Mittel: der Verquickung Pattinis mit einer buddhistischen Form. Er macht Pattini zu einer Verkörperung, einem Avatar des kommenden Buddhas und ihre ganze Legende zu einem Jataka. Dieses ist eine Änderung der alten Sage, welche jetzt erst im Werden begriffen ist. Sie lebt schon im Munde des Volkes, ist aber noch nicht kanonisiert, und wird von gebildeten Singhalesen nicht anerkannt. Beiläufig zeigt Verfasser an Hand dieser Pattini-Legende wie der Drang seine alten Gottheiten, so zu sagen, zu adeln und einer neuen Göttergesellschaft einzuverleiben, die Wahl der zu entlehnenden Mythenmotive bestimmt, wie diejenigen fremden Fabeln besonders zähe festgehalten werden, welche die weitere Verherrlichung der einheimischen Götter im neuen Kleide möglich machen und ermöglicht es einen Blick in die Werkstatt der Mythenbildung zu werfen. Jede mündlich gelehrte neue Lehre ist der alten ebenso mündlich

weitergegebenen Tradition ebenbürtig und so müssen sich beide einander anpassen, müssen zu einander Stellung nehmen. Diese Anpassungen nehmen die Form von neuen, erklärenden Mythen an. Die Intellektuellen bilden keine neuen Mythen, weil sie solche nicht nötig haben. Denn obzwar sie die alte Tradition auch mündlich überliefert bekommen, empfangen sie die neue Lehre, hier den Buddhismus, durch das Auge. Sie lesen davon in Büchern, gebrauchen also dazu eine ganz andere Technik der Aufnahme. Kenntnisse, welche auf zwei so verschiedenen Wegen erlangt werden, sind nicht gleichwertig und brauchen durchaus nicht einander angepasst zu werden.